

В то время там еще не улеглись политические страсти, бурлило много вулканов, пробирались к власти разные люди и группы, и могло случиться так же, как после 1878 года, когда блестящая помощь русских братьев-воинов не принесла полной свободы Болгарии и плоды победы попали не в те руки. Недавно автор возвращается к прошлому, когда раздумывает над путями решений в новой области своей деятельности.

С. С. Бирюзов посвящает интересные страницы своих мемуаров встречам с Г. М. Димитровым. Автор рассказывает о его обаянии, сердечной теплоте и широком кругозоре. Т. Живков, Т. Павлов, Л. Герасимов, Цола Драгойчева и многие другие видные революционеры-коммунисты, принявшие на свои плечи возрождение страны на демократических основах, восстановление ее экономи-

ки, налаживание связей с Советским Союзом и другими братскими странами, выразительно описаны в книге.

Автор в заключение переносит нас в сегодняшнюю Болгарию, достигшую больших успехов под руководством партии коммунистов. Бирюзов не теряет братских связей со своими друзьями, бывает в Болгарии, работает в Обществе советско-болгарской дружбы заместителем председателя правления. Он радуется вместе со всеми советскими людьми каждому новому достижению болгарских братьев.

Книга С. С. Бирюзова поучительна и своевременна. Молодежь может смело черпать из сокровищницы великого прошлого, она должна стараться походить на отцов своих, хранить завоеванное и как зеницу ока беречь так нелегко доставшийся мир.

Н. ЯНОВСКИЙ

Берегитесь: скорпионы!

В своем первом крупном произведении, романе «Повитель», Анатолий Иванов обнаружил себя как незаурядный художник, умеющий изображать существенные явления современной жизни. В «Повители» читатель увидел, как ржа собственности разъедает человеческую душу, отравляет все, к чему она прикоснется.

Новый роман А. Иванова, «Тени исчезают в полдень», органически связан с первым романом, но не сюжетными линиями и не образами героев — в этом отношении он вполне самостоятелен, — а своим пафосом, идейным содержанием.

Разница между романами в охвате жизненных явлений. В «Повители» в

центре внимания один герой — Григорий Бородин, характер которого исследуется в непосредственной связи с событиями в нашей стране. В романе «Тени исчезают в полдень» много героев, действующих на фоне важнейших событий во всем мире. Даже одно это свидетельствует о значительности авторского замысла.

В мире идет ожесточенная идеологическая борьба. Какие формы она принимает и как протекает сегодня — вот что интересует писателя в первую очередь.

Некоторым читателям роман А. Иванова может показаться излишне жестоким. Перед нами проходит целая галерея изуверов, растлителей, убийц. Возникают довольно-таки мрачные картины. Тут нетрудно качнуться и к малеванию ужасов, если объективистски рисовать эти стороны жизни, коллекционировать

Анатолий Иванов. «Тени исчезают в полдень». Роман. «Сибирские огни» №№ 7, 8, 10 и 11, 1963.

моральных уродов. Но А. Иванов идет другим путем. Он, остро и беспощадно бичуя врагов советской жизни, выступает против беспечности и самоуспокоенности, против проповедуемого кое-кем мирного сосуществования буржуазной и социалистической идеологий.

Правда, в некоторых случаях А. Иванов все же не избежал уже переходящего за грань художественной необходимости сгущения красок. Это, например, по-мему, относится к описанию «радения всеобщего греха» у хлыстов и к сцене разоблачения уваровского подземелья.

Роман А. Иванова эпичен по характеру письма и обширности. Автор нетороплив и обстоятелен. Но построен роман не как хроника событий с 1915 и по 1960 год, а как изображение непосредственно перед нашими глазами совершающегося драматического действия. Прошлое героев возникает здесь, как круги от брошенного в спокойную воду камня. Одни из героев, близкие и ясные, выписаны подробно и рельефно, другие — эскизно, они существуют в романе как намек или как почти незаметная деталь. Так достигается необходимая емкость произведения. И хотя временные сдвиги бывают подчас слишком резкие, а отступления в далекое прошлое — слишком пространные, отказ от хроникального изложения событий кажется в данном случае необходимым и оправданным, так как роман прежде всего посвящен злободневным проблемам нашего времени.

Круг ведущих героев произведения не мал и по индивидуальным характеристикам своеобразен. Здесь коммунисты, самоотверженные и стойкие борцы за народное дело Петр Смирнов, Марья Воронова и Захар Большаков. Здесь и такие, как Анисим Шатров и Фрол Курганов, — люди, прошедшие сложный путь к душевному приятию новой правды. Есть здесь и рассказ о нелегком становлении характеров молодых людей. Выразительны фигуры матерых преступников, мракобесов, сектантов и фашистов — Демида и Филиппа Меньшиковых, Серафимы Клычковой, скрывающейся под именем Пистимей Морозовой, Константина Жукова и Тараса Звягина, добывших себе документы на имя Устина Морозова и Ильи Югина. И в этом романе А. Иванов рисует своих героев, как правило, красками густыми и сочными. Проникая в глубины характеров своих персонажей,

автор изображает бушующие чувства — любви и веры, ненависти и гнева. Судьбы людей драматичны. Порой заметно и явное тяготение автора к трагедийным характерам и положениям.

Петр Смирнов — в прошлом офицер Советской Армии, полковник — теперь стал редактором маленькой районной газеты. Его жизнь, какой предстает она перед нами, — это величайшее напряжение всех сил в борьбе против реакции в самых разных обличьях — откровенного фашиста или фашиста замаскировавшегося, сектанта, спекулянта или обыкновенного тунеядца. Он жил всегда на пределе — и когда воевал, не щадя себя, и когда стал работать редактором газеты, уже приговоренный врачами к скорой смерти. Из сердца Смирнова вынули осколок, и жизни ему осталось буквально пять — семь сотен дней, самое большое, тысячу.

Совсем эпизодичен образ Полинки, невесты Петра Смирнова. Мы узнаем о ней лишь из рассказа старика, едва живого, после того как немцы «похозяйничали» в его родной деревне Усть-Каменке.

«— Он, Петюха-то, единственный у них сын, — говорил Вере Михайловне желтый от голода старик со спутанной, свалявшейся в клочья бородой. Говорил, стоя посреди бывшей деревенской, вероятно, уютной и тенистой когда-то улицы, опершись на костыль, медленно, часто останавливаясь и глубоко дыша, будто поднимался на высокую гору: — Когда приходили от него письма, — всей деревней их читали: лейтенант, дескать, Петюха, ротой командует... Родителям писал он часто, а чаще ей, Полинке. Светлая была девушка. Получит письмо, идет в холмы — эвон какие они у нас высокие да гладкие. Лесов-то у нас нет — одни холмы. Уйдет и поет... И все знают: письмо, значит, получила. Тянемся мы все, как телята, к смирновской хате. Ждем, когда напоется Полюшка. Спустится она с холмов, читает от слова до слова. И про любовь там и про войну — все, говорю, от слова до слова читает... и плачет. Вишь ты, какое оно дело-то: пела, значит, а теперь плачет. Светлая была... Петюха-то хотел после окончания военной школы свадьбу справить. Да не успел приехать даже после обучения. Вместо свадьбы на фронт. Да-а... А потом немец к нам пришел, не

стало писем. Староста объявился у нас, чернявый такой живоглот, не из наших. И где такой хоронился до сей поры? В тюрьме, однако, держали таких. Все посмеивался, черными молниями пошпаривал людей. Натерпелись от него, не дай бог. Полинка уже не пела боле. А он, староста, узнал откуда-то про ее песни, посадил однажды под замок. Ровно неделю морил голодом. Потом выпустил на людную улицу, говорит: «Москву, дескать, взяли германские войска. Пой песню для сего случая, булку хлеба дам».

Она и запела...

— Врешь! — вдруг крикнула Вера Михайловна. Опомнилась, проговорила виновато: — Просто, отец, не верю...

— Нет, чего же... — покачал головой старик. — Запела. Я-то не знаю песен. А она запела: широка, дескать, страна моя родная... И люди подхватили...

Я позволил себе привести такой длинный отрывок из романа потому, что эта сцена лучше всего рисует внутренний светлый мир Полинки и большую духовную красоту пострадавшего, бесхитростного старика, который и жил-то в эти дни, как он сам говорит, для того, чтобы успеть рассказать Петюхе Смирнову, как его Полюшка то на окрестных холмах, то под пулями полиция песни пела... «Да, вишь, нельзя, выходит. Так ты расскажи, — просит он врача Веру Михайловну, не допустившую его к тяжело раненому Петру Ивановичу. — А я помирать пойду. Все нутро отбил немец-то прикладом...»

Светом этих прекрасных людей озарено в романе все, и потому даже мрачнейшие картины изуверства и жуткие типы фанатиков новой войны и оголтелых собственников, давно потерявших человеческий облик, не рождают в нас чувства тоски и безысходности. Совсем напротив, роман мобилизует нашу волю на самое энергичное продолжение борьбы.

Мы часто говорим о пережитках капитализма в сознании людей, о гуманизме нашего общества. Роман А. Иванова «Тени исчезают в полдень» напоминает, что в реальной жизни существуют и живые носители собственнического образа мышления. О гуманизме нашего общества такие люди говорят откровенно: «Это же прекрасно! Пользуйтесь им, поставьте его на службу стяжательству, приспособленчеству, мимикрии», то есть открытому преступлению против основных усто-

ев этого гуманистического общества! Используя свободу вероисповедания, церковники и сектанты из года в год распространяют свое влияние.

Многие страницы романа посвящены разоблачению истинного лица сектанства.

Тщательно прослежена, например, горькая история жизни Зины Никулиной, молодой женщины, опутанной сектантами. Это страшная и поучительная история о том, какими изощренными методами улавливают человеческие души современные сектанты.

Зина попала в беду. Ее обманул Митька Курганов, деревенский сердцеед, и она вынуждена была бежать из дому, чтобы скрыть свой позор. Как-то «естественно» и для нее незаметно, но довольно быстро Зина попадает в руки сердобольной баптистки, «заметившей», что она беременна, одинока и нуждается в помощи. Затем так же «естественно» (а на самом деле по совету Пистимей Морозовой) баптистка «сплавил» Зину с ребенком к богомольным старушкам из секты хлыстов. Тут и началась страшная обработка сознания девушки. Ее запугали, подавили волю, бросили в клоаку хлыстовских радений. Наконец, когда в ней почти полностью было раздавлено человеческое достоинство, ее завербовали в подпольную, глубоко законспирированную секту неговистов. Здесь поначалу все показалось Зине чистым и благопристойным. Девушка вздохнула вольнее, никто как будто уже не пытался ее мучить, грязнить ее душу и тело. Не знала она только одного: во всем этом был тонкий расчет, чтобы еще крепче и надежнее опутать ее религиозными тенетами, а затем использовать в далеко идущих, уже не религиозных, а политических целях.

В работе над романом «Повитель» внимание А. Иванова приковал тип собственника, паразитирующего на здоровом теле советского общества. Появился образ Григория Бородина. Это было открытием характера, который оказался нужным писателю, чтобы предупредить людей о грозящей опасности. Но если Григорий Бородин был замкнут в самом себе и непосредственно влиял только на членов своей семьи, если он боялся действительных связей с «большим» миром собственников, удовлетворяясь лишь духовной связью с ними, то в новом романе А. Иванов в полном соответствии с действитель-

ностью показывает людей типа Бородина на более широком поле действия. Он по-казывает их международные связи, их сплоченность, нешуточную настойчивую борьбу за право жить и плодить себе подобных. Григорий Бородин все-таки хлюпик, а в романе «Тени исчезают в полдень» А. Иванов открывает сильные характеры врагов человечности. В Серафиме Клычковой, в Устине Морозове и Демиде Меньшикове он увидел силу, пока еще способную приносить людям огромные бедствия. Писатель не захотел уменьшать их значения в сегодняшнем столкновении двух миров. Конечно, они обречены, а некоторые из них, такие, как Устин Морозов или Илья Юргин, уже сейчас внутренне опустошены.

Но они, эти ядовитые скорпионы, все-таки живут и действуют, и надо основательней и точнее знать их звериные повадки.

Серафима Клычкова — наиболее значительный образ романа «Тени исчезают в полдень». Образ этот объемён, удивительно психологически точен и глубок по своему содержанию. Писатель сумел проникнуть в «святая святых» людей такого рода — в их природу, умело замаскированную, создал в полном смысле слова художественный тип.

В годы войны «вдруг откуда-то» вылезли старосты и полицаи, которые в ненависти к Советской власти, в жестокости к советским людям словно задались целью превзойти методичных, холодных и расчетливых фашистов-немцев. Создавая образ Пистимей, А. Иванов решительно опроверг это «вдруг», давая верный социально-психологический анализ происхождения таких людей, показывая ту почву, на которой они произрастали.

Пистимея, дочь крупнейшего на Урале купца и промышленника, воспитывалась у тетки своей, Мавры, фанатичной и властной игуменьи Черногорской обители. В превосходно написанном прологе А. Иванов дал исчерпывающее представление о том, как фанатизм старообрядцев, с одной стороны, и дикое, подчас кровавое самодурство разжиревших на скорых барышах промышленников — с другой, буквально выковали скорпионский характер Серафимы-Пистимей, видящей смысл жизни и высшее наслаждение во власти над другими людьми, власти огромной, всеохватной, безраздельной. Выделяя эти, так сказать, домини-

рующие качества властолюбивой собственности, А. Иванов рисует Пистимею как личность, как своеобразную индивидуальность, по-своему цельную, по-своему противоречивую.

В религии Пистимея рано увидела сильное средство обезволивания и подчинения людей, научилась пользоваться им в своих интересах. Но в то же время она сама фанатично уверовала в бога — то в христианского, то в баптистского, то в иеговистского, — иступленно чтя близкие и понятные заветы бога, всегда в то же время в чем-то выходящие ей самой. Во многом поступала она по расчету, но, случалось, и сама попадала в плен религиозных догм. Молилась усердно, до изнеможения, внешне безропотно подчинялась мужу, даже если он, не веря ее искренности, требовал глупо: «Руби руку!» По-своему любя детей, Пистимея хотела силой «спасти» души сына и дочери, пользуясь изуверскими методами — побоями, изнурительными молитвами, постом, страхом.

Постепенно эта статная женщина с приветливой, чуть застенчивой улыбкой на красном лице, всегда затянутом платком до самых ясных голубых глаз, молчаливая и смиренная, на наших глазах превращается в хитрую, холодную, жестоко-беспощадную руководительницу сначала старообрядцев, потом контрреволюционных банд, а с течением времени и самых различных, в том числе подпольных, связанных с антисоветскими центрами сект. Пистимея замаскировалась так искусно и глухо, что даже ее муж, Устин Морозов, совершавший тяжчайшие преступления, не подозревал, что он сам и все его подручные выполняют ее волю, ее приказы. Он так и не мог поверить, что она, как Демид Меньшиков, наслаждалась мученическими казнями коммунистов, и лишь смутно догадывался, что именно она убила в нем едва тлевшие проблески человечности, превратила его в зверя.

Когда Устин, мучимый животным страхом и болью, «как волк, которому намертво прищемило лапу», решился покончить жизнь самоубийством, Пистимея попыталась не запугивать его возмездием, а убедить его, вдохнуть в него свою веру, свою надежду.

В чем же ее вера, ее надежда, ее бог?

Характерен в этом смысле разговор Демиды Меньшикова сначала с Устином, а потом с Пистимеей. Демид, чтобы «во-

одушевить» «пошатнувшегося» Устина, подсунул ему папку с документами, которые вопили о том, как Западная Германия «усиленно и успешно» готовится к реваншу, а при встрече стал усердно перечислять все акции США, направленные против Советского Союза, убеждать, что от «холодной войны» недалеко до другой войны. И получил неожиданный ответ:

«— Ты не считай других-то дурнее себя. Все ж таки кое об чем я способный пока и сам думать. Раньше, когда мы с тобой молодыми были, Россия только против нас на дыбы встала. А теперь весь мир, вся земля... А что делается в Азии, Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке, ты не видишь? Что ни месяц, то новый народ освобождается...»

Устин потерял всякую уверенность, завертелся, завыл, нутром чуя близкое возмездие.

А вот Пистимея не отступила. Когда она убедилась, что Устин сдал окончательно и уже не может быть ее опорой, а то и разоблачит ее связи с иеговистами, она хладнокровно расправилась с ним.

В отличие от мужа Пистимея во всем согласна с Демидом. А когда Демид упрекнул: «Сдавать ты стала, Пистимея», — она ответила:

«— Я не в одного Иегову верю. У меня и баптисты, и пятидесятники, и адвентисты... Тут у нас, слышала, объявились истинно православные христиане. Надо будет понюхать, что за люди... Это мне ближе. Я ведь как-никак из православных...»

Здесь уже ясен не религиозный, а политический расчет, не фанатизм сектантки, а волчий оскал врага. Это уже надежды на точно рассчитанную идеологическую диверсию, на растление сознания людей, на их слепоту и темноту.

Да, ненависть писателя к врагам жгуча и беспощадна. Рисую отвратительные лица святош типа Пистимея, он взволнованно предупреждает: «Люди, берегитесь: скорпионы!»

Во время войны, когда было разрешено восстановление молитвенных домов и церквей, старый коммунист Захар Большаков взорвался: не мешало бы и его мнения спросить на этот счет. Однако ему «разъяснили»:

«Религия — дело деликатное. Особенно сейчас, в военное время. И верующие... не те уже... не прежние религиоз-

ные мракобесы. Христианство в СССР проповедует сейчас и воспитывает любовь народа к товарищу Сталину, патриотизм, ненависть к немецким фашистам... Так что ты не обижай там ваших верующих. Само собой, конечно, присматривайте за ними...»

Далее мы почти все время видим Большакова только в роли «присматривающего». Нет у героя ни большой тревоги оттого, что у нас на этом участке идеологической борьбы неблагополучно, той острой тревоги, которая прозвучала в «Чудотворной» В. Тендрякова или в «Грешнице» Н. Евдокимова, ни действенной, эффективной деятельности против Пистимея. Хотя Большаков занимает в романе много места, он так и не вырост в наших глазах в большой, впечатляющий, художественно-убедительный типический образ.

Правда, в романе А. Иванова есть люди, своей духовной мощью и яркостью достойно противостоящие рабам тьмы во главе с Пистимеей.

Пятнадцатилетняя, истерзанная негодяем Демидом Меньшиковым девочка умирает стоя, как учил ее отец-коммунист. Сильная духом, она противостоит озверевшей своре врагов, смертью своей доказывая их ничтожество и обреченность.

А разве Полюшка, под пулями фашистов поющая песню о Родине, тоже физически слабенькая, уступает по силе воли и убежденности Пистимее? Редактор газеты Петр Смирнов — фигура, овеянная романтикой подвига, гораздо более жизненная, осязаемая, чем Захар Большаков.

Обличающая, гневная интонация автора и беспощадное раскрытие внутренней опустошенности разных устинов морозовых убеждают нас в неизбежной гибели дела, которое так яростно отстаивают еще не разоружившиеся Пистимея и Демид.

Образы человеконенавистников, жаждущих денег и власти, написаны А. Ивановым, как уже сказано, сильно и убедительно. Крупные характеры, волевые, убежденные люди встречаются в том и другом стане. Но почему все-таки Марья Воронова как художественный образ бледнее образа Пистимея Морозовой и образ Захара Большакова по яркости изображения явно уступает образу Устина Морозова? Только ли потому, что ан-

тичеловеческие «художества» четы Морозовых «легче» живописать в силу их необычности? Дескать, крупный хищник сам по себе живописен.

Дело здесь, видимо, все-таки не в этом. И положительный и отрицательный образ может быть общественно значимым и должен быть изображен художественно полноценно и впечатляюще.

Конечно же, слабость в создании положительных образов никогда не была достоинством писателя. Как тут ни рассуждай, а это говорит о нежелательной односторонности таланта, как бы ярко он ни раскрывался при характеристике отрицательных персонажей (совсем иное дело, конечно, сатира, но не об этом сейчас идет речь). И тут введением стандартной, схематической фигуры положения не поправишь, как бы подробно ни говорилось о таком герое, как бы много страниц ни уделялось ему.

Еще один шаг в сторону от истинно художественного и убедительного разрешения общественных конфликтов А. Иванов делает тогда, когда обрушивает на читателей целый каскад утешительных событий.

Пойман с поличным Демид Меньшиков, разоблачены сектанты, открыто подземеелье с Ленькой Уваровым, опознана Пистимея, Зина Никулина нашла наконец поддержку, ласку, внимание, и даже заблудший бабник Митька Курганов получает по заслугам — его враз отверг-

ли все девушки, раньше равнодушные к нему. Преступников судили и воздали им должное. Пистимея, убив мужа, бежала с Юргиним, но ненадолго: по дороге они поссорились из-за мешочка золота и погубили друг друга... В этой длинной, придуманной, а потому банальной развязке, названной эпилогом, так и виден указующий морализаторский перст автора.

Стремление во что бы то ни стало расписать, как наказан каждый порок, а добро во всех случаях восторжествовало, обусловлено не столько конкретными жизненными обстоятельствами, данными в романе, сколько механическим требованием непременно в рамках данного произведения показать победу положительного или в крайнем случае равновесие противоборствующих сил вне зависимости от художественного замысла автора. Тут приобрела определяющее значение уже не система и логика образов, а скорее арифметический подсчет: сколько-то отрицательных героев должно противостоят столько-то положительным, и обязательно равной силы. Эта «теория» родилась из умозрительного подхода к сложным и противоречивым явлениям жизни, наконец из простой боязни правды. Правда эта ведь состоит не только в том, что мы непременно победим, но и в том, что наши враги, пока не побежденные, существуют. Очень жаль, что А. Иванов в своем интересном, ярком романе отдал дань этому шаблонному литературному приему.